

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2020, Том 3, №2

Главный редактор журнала

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук*
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Магомедова Роза Мусаевна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, доцент,
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Слезин Анатолий Анатольевич (РФ, г. Тамбов) – доктор исторических наук, профессор
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

Подписано к публикации

10 июня 2020 года

E-mail: historical@dgpu-journals.ru

© Исторический бюллетень, 2020

Содержание

Куцевич Н.С.

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ – СВЕТЛЕЙШАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ
РОМАНОВСКАЯ-КРАСИНСКАЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО БАЛЕТА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНЫХ МЕМУАРОВ, ВОСПОМИНАНИЙ
В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ, А ТАКЖЕ ИСТОРИКОВ,
ИСКУССТВОВЕДОВ, КУЛЬТУРОЛОГОВ. ИСТОРИЯ
СОЗДАНИЯ И АНАЛИЗ МЕМУАРОВ 5-13

Марутина Е.А.

МАНЬЧЖУРСКИЙ ИНЦИДЕНТ: НАЧАЛО КОНФЛИКТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЯПОНСКОЙ ПРЕССЫ) 14-17

Топильский А.Г.

РАЗВИТИЕ АГРАРНЫХ ЗНАНИЙ В ГАЛИЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 18-23

Contents

Kutsevich N.S.

MATILDA KSHESINSKAYA – THE MOST SERENE PRINCESS MARIA
ROMANOVSKAYA-KRASINSKAYA IN THE HISTORY OF RUSSIAN BALLET,
THROUGH THE PRISM OF REFLECTION OF THE AUTHORS OF SOURCES OF
PERSONAL ORIGIN: MEMOIRS, MEMORIES, AS WELL
AS HISTORIOGRAPHERS, HISTORIANS, ART HISTORIANS 5-13

Marutina E.A.

THE MANCHURIAN INCIDENT: THE BEGINNING OF THE CONFLICT
(BASED ON THE MATERIALS OF THE JAPANESE PRESS) 14-17

Topilsky A.G.

DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL KNOWLEDGE IN GALICIA
IN THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURY 18-23

Куцевич Н.С., директор,

Фонд «Академик»

**МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ – СВЕТЛЕЙШАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ
РОМАНОВСКАЯ-КРАСИНСКАЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО БАЛЕТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНЫХ МЕМУАРОВ, ВОСПОМИНАНИЙ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ,
А ТАКЖЕ ИСТОРИКОВ, ИСКУССТВОВЕДОВ, КУЛЬТУРОЛОГОВ.
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И АНАЛИЗ МЕМУАРОВ**

Аннотация: статья посвящена легендарной прима-балерине, являющейся единичным, уникальным примером блестящей театральной и женской судьбы. Пример этой личности интересен редкостью полноты и целостности реализации балетного и индивидуального гения ,заклучавшегося в счастливом умении выстраивать пространство собственной судьбы, направляя и созидая настроения мужской половины царской семьи, и во многом определив и выразив своею личностью культурную политику Мариинского театра.

Предлагаемая статья будет интересна историкам, культурологам, историографам, искусствоведам, психологам, социологам, всем тем, кто изучает пространство культа, социума и традиции во взаимодействии с личностью, в том числе изучающим источники личного происхождения. Автор статьи предлагает читателям познакомиться и с мнениями о Кшесинской, как её современников, запечатленным ими в воспоминаниях, мемуарах, так и оценками историков, искусствоведов, о её личности и воспоминаниях.

Ключевые слова: Матильда Кшесинская, Светлейшая княгиня Мария Романовская-Красинская, Александр Третий, Николай Второй, Великий князь Андрей Владимирович ,Великий князь Сергей Михайлович, Владимир Красинский, Мариус Петипа, историки, историографы, Арнольд Хаскелл, Т.И. Головина, царская фамилия, русский академический балет, воспоминания, мемуары, источники личного происхождения, Анна Павлова, Сергей Дягилев ,Тамара Карсавина ,Владимир Аркадьевич Теляковский

Матильда Кшесинская проявила себя , как блистательный стратег и тактик в пространстве собственной судьбы. Закончив свой земной путь в высоком статусе супруги великого князя Андрея Владимировича с титулом и именем Светлейшей княгини Марии Романовской-Красинской, прожив исключительно полную, многогранно счастливую и удивительно плодотворную в реализации своей личности жизнь. Кшесинская оставила после себя не только миф о своей персоне, подготовленных ею учениц, которым она передала традицию русского академического балета, но и исправив родо-

вую несправедливость, допущенную в отношении одного из своих предков, компенсировала потерю им титула, обретением утерянной и более высокой титулованной фамилии Романовской-Красинской (30 ноября 1926 г., великий князь Кирилл Владимирович присвоил ей и её сыну Владимиру титул и фамилию Красинских, а 28 июля 1935 г – светлейших князей Романовских-Красинских), став во мнениях современников и потомков нечто большим, чем великолепной балериной императорского двора, но и магом пространства собственной

судьбы, заявив новое амплуа истории – амплуа Кшесинской.

Сопоставляя мемуары, воспоминания, труды по истории балета, её многоплановая одарённость не вызывает сомнения. Кшесинская – явление, как в искусстве балета, так и в искусстве жизни: блистать, утверждать свою волю и влияние, поэтому её личность заслуживает вдумчивого отношения, так как она, повторюсь, являет собою единичный пример исключительных удач. Замечу, что влияние личности Кшесинской не ограничилось ни триумфами на Мариинской сцене, ни Николаем Вторым, её преданным другом был и великий князь Сергей Михайлович Романов. В эмиграции законным супругом Матильды Феликсовны стал и Светлейший князь Андрей Владимирович, который усыновил её ребёнка Владимира Красинско-Романовского.

Через собственную личность Кшесинская транслировала не только изящное искусство балета по средствам виртуозных сольных партий, исполняемых ею неизменно, в бриллиантах, созданных для неё Фаберже, но и демонстрировала харизму собственной персоны, щедро одаривая ею всех «нуждающихся». По личному мнению Кшесинской лучше всего она умела вовсе не танцевать: «лучше всего на свете я умела не танцевать, а улыбаться» [1]. В профессиональной среде её феноменальный путь часто объясняется близкими отношениями с представителями царской семьи. Однако подобное объяснение, как единственно – исчерпывающее, не очень убедительно. Источники личного происхождения: воспоминания, мемуары и дневники дают возможность проанализировать через субъективное преломление авторского повествования, фактологическую основу, на которую необходимо опираться при выводах о

значении влияния Матильды Кшесинской на царскую фамилию, её роль в русском и зарубежном балете. Сопоставляя фактологическую основу исторических источников личного происхождения, трудов по истории русского и зарубежного балета неверно было бы считать, что карьерой Кшесинская обязана лишь умению производить впечатление на императора Николая Второго, с которыми была связана нежными отношениями. Примем во внимание, что Кшесинская – представитель известной театральной династии Кшесинских. Многие представители этой польской артистической фамилии были десятилетиями включены в «профессиональный эгрегор» [2] искусства. Мать, брат и сестра Кшесинской служили артистами императорских театров. Отец – Феликс Кшесинский был заслуженным артистом Императорских театров. Таким образом, у Кшесинской была врождённая предрасположенность к сценическому проявлению. Замечу, что не Феликс Кшесинский, и не Николай Второй не предопределили её высокое положение. Предвестником удивительной судьбы Кшесинской стал Император Александр Третий, который ни раз, посещая императорское хореографическое училище, заметил её в танце, выделил и поощрил маленькую Кшесинскую судьбоносным напутствием. Вот как она пишет об этой встрече в своих воспоминаниях: «Александр Третий, войдя в зал, где собрались воспитанницы, спросил зычным голосом: «А где же Кшесинская?». Я стояла в стороне, не ожидая такого нарушения правил. Начальница и классные дамы засуетились. Они собрались подвести двух первых учениц, Скорсюк и Рыхлякову, но тотчас подвели меня, и я сделала Государю глубокий поклон, как полагалось. Государь протянул мне руку со словами: «Будьте украшением и славою нашего бале-

та». Я снова сделала глубокий поклон и в своём сердце дала обещание постараться оправдать милостивые слова государя» [3].

К сожалению, не каждый историк, позволивший себе высказываться о Кшесинской, владел темой истории русского балета, понимал её значение в академическом балете Петипа, высокий уровень виртуозного мастерства балерины, о котором писали современники прима-балерины, балетные критики А. Левинсон и А. Волынский, значение её педагогической деятельности в эмиграции, изучив труды по истории русского и зарубежного балета и исторические источники, написанные коллегами Кшесинской – деятелями искусств конца 19, начала 20 века, каждый из которых оставил о ней своё убедительное, весомое, эмоционально окрашенное мнение, запечатлённое в мемуарах. Замечу, что профессиональные качества Кшесинской – балерины были высоко оценены не только критиками, но и её коллегами, отмечены ими в их личных воспоминаниях. Вот как выразила своё отношение к её профессиональному мастерству Т.П. Карсавина – звезда Русских сезонов» Дягилева, издавшая свои мемуары на Западе: « В ту пору она находилась на вершине своего таланта. По виртуозности она не уступала Ленъяни*, а по актерским качествам даже превосходила ее. Матильда сама выбирала время для своих спектаклей и выступала только в разгар сезона, позволяя себе длительные перерывы, на время которых прекращала регулярные занятия, и безудержно предавалась развлечениям. Всегда веселая и смеющаяся, она обожала приемы и карты; бессонные ночи не отражались на ее внешности, не портили ее настроения. Она обладала удивительной жизнеспособностью и исключительной силой воли» [4].

Одним из современников Кшесинской, сумевшим распознать мощь и весомость её личности, был В.А. Теляковский – последний директор Императорских театров. Вот как он характеризует Кшесинскую в своих воспоминаниях ("Воспоминания", Театральные мемуары, Ленинград, 1965): "М. Кшесинская прекрасно танцевала и была также бесспорно выдающаяся русская балерина. Для (Кшесинской)... успех на сцене был средством: стремления ее были более грандиозны и обширны, и роль только балерины, хотя и выдающейся, не удовлетворяла ее смолodu. М. Кшесинская уже на тринадцатом году службы вышла по собственному желанию из состава балетной труппы. Силы свои она берегла для другой цели. М. Кшесинская была женщина бесспорно умная. Она отлично учитывала как сильные, так в особенности и слабые стороны мужчин, этих вечно ищущих Ромео, которые о женщинах говорят все, что им нравится, и из которых женщины делают все, что им, женщинам, хочется" [5]. В его же воспоминаниях читаем о Кшесинской «Казалось бы, балерина, служа в дирекции, должна принадлежать репертуару, а тут оказывалось, что репертуар принадлежит М. Кшесинской, и как из пятидесяти представлений сорок принадлежат балетomanам, так и в репертуаре – из всех балетов более половины лучших принадлежат балерине Кшесинской. Она считала их своей собственностью и могла дать или не дать их танцевать другим.

Бывали случаи, что выписывали из-за границы балерину. В контракте у неё были обусловлены для гастролей балеты. Так было с балериной Гримальди*, приглашенной в 1900 году. Но когда она вздумала один балет, обозначенный в контракте, репетировать (балет этот был «Тщетная предосторожность»), Кшесинская заявила: "- Не дам, это

мой балет ." Начались – телефоны, разговоры, телеграммы. Бедный директор метался туда, сюда. Наконец шлет министру шифрованную телеграмму в Данию, где тот в это время находился при государе. Дело было секретное, особой государственной важности. И что же? Получает такой ответ: «Так как балет этот Кшесинской, то за ней его и оставить» [6].

Акцентируя внимание своего исследования на мемуарах и источниках личного происхождения артистов балета конца 19-20 века, на сегодняшний день существует единственное комплексное исследование их содержания, проведённое в конце 90-годов культурологом Т.И. Головиной, и несмотря на весомые достоинства её работы ,а именно: попытку комплексного анализа имеющейся литературы по избранной проблеме, привлечение в качестве предмета анализа – мемуаров Кшесинской М.Ф. и Карсавиной Т.П. и др , всё же имеются некоторые недостатки, в частности ,вызывает сомнение утверждение Т.И. Головиной о том, что: «балетная мемуаристика менее идеологизирована. Сама природа танца достаточно трудно поддавалась партийно-социальному осмыслению, и никак не хотела укладываться в прокрустово ложе определённых идеологических установок» [7]. Не соглашусь с этим утверждением автора. Кшесинская придерживалась определенной тенденциозности повествования, так как рассказывала о себе и о представителях царского дома. По её собственному свидетельству об обстоятельствах создания её воспоминаний, основной текст написала лично ,в эмиграции. Кшесинская просила великую княгиню Марию Павловну (сестру Великого князя Дмитрия Павловича) высказать свои замечания, которая, встречно, предложила их отредактировать, перевести на английский язык и издать. Супруг Кше-

синской также проявил своё участие в создании мемуаров, что отметила Кшесинская во вступительном слове ,признавая, что: «мои воспоминания я написала в тесном сотрудничестве с Великим Князем Андреем Владимировичем, и те, кто знакомился с русским текстом ,отдали должное его работе. Без него я вряд ли бы смогла написать их» [8]. Из этого можно сделать вывод ,что мемуары претерпели правку после цензуры императорской фамилии, сохраняя некоторую тенденциозность,чтобы во мнениях потомков оставить эталонный образ императорской фамилии, идеальное представление о монаршествующей в прошлом, династии ,и потому утверждение Т.И. Головиной, не представляется корректным.

В предисловии к первому русско-язычному изданию мемуаров Кшесинской сообщалось: в 1973 г. в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне – РГБ) появился машинописный экземпляр воспоминаний М.Ф. Кшесинской на русском языке. В этом тексте были сделаны правки, по всей видимости рукой самой балерины, а также многочисленные дополнения и редакция ,отпечатанные в дореволюционной орфографии ,с сохранением заглавных букв в написании всех титулов императорской России. В публикации 1992 г. эта небрежность, а точнее эта особенность была сохранена, что не нарушило ни стиля, ни общей целостности духа книги. В обращении к читателю в первом русском издании воспоминаний балерины отмечалось, что перевод их с французского на английский, скорее всего, выполнен балетным критиком Арнольдом Хаскеллом (1903-1980). По всей вероятности Хаскелл и озаглавил воспоминания Кшесинской «Танцую в Петербурге». Французский текст назывался непритязательно: «Воспоминания Кшесинской». Автором французского

и английского являлась Светлейшая княгиня М.Ф. Романовская-Красинская, что и послужило поводом для различных погрешностей в библиографических описаниях этих книг. На русском языке воспоминания Кшесинской введены в оборот в 1990-е г.г. и неоднократно переиздавались отдельными книгами. По мнению издателей в текстах всех трёх версий воспоминаний балерины (франкоязычной, англоязычной и русскоязычной) расхождений было немного. В издании 1992 г допущены небольшие сокращения и некоторая редакция последовательности изложения. В предисловии к упомянутому изданию авторитетный искусствовед В.М. Гаевский, оценивая мемуары Кшесинской, отмечал, что мемуары – «весьма интересная книга воспоминаний»; с одной стороны «не стоит принимать на веру всё, что Кшесинская считает необходимым поведать о своей театральной карьере, о способах быстро продвинуться из кордебалета наверх, заняв положение самой могущественной прима-балерины», с другой – нельзя не верить её бытовым зарисовкам. Она «точна в подробностях, как умели быть точны многие литераторы – эмигранты». В этом смысле, продолжал свою мысль Гаевский, «Кшесинская описывает именно то, что знала, к чему лежала её душа с ранних девичьих лет», а именно – «образ жизни и, косвенно, образ мысли августейших особ, недаром так много великих князей мелькает на страницах её воспоминаний» [9].

Одной из первых на Западе свои воспоминания издала русская балерина Т.П. Карсавина. Первично они были изданы на французском, а затем на английском языке. Воспоминания Т.П. Карсавиной были переведены на русский язык и изданы в СССР*; в России они переиздавались трижды. Воспоминания балерины – классика мемуарной

литературы. Знаменитая балерина рассказала в них о триумфальных выступлениях с В.Ф. Нижинским, историю своего профессионального становления. Как справедливо отметила Т.И. Головина, более всего захватывает Карсавину «история её жизни – это история её творчества – успехов и неудач. Согласно Головиной время у Карсавиной «делится не на годы, месяцы, дни, а на спектакли, репетиции, гастролы и минуты триумфа» [10]. Вот как Карсавина повествует о Матильде Кшесинской в своих мемуарах «Театральная улица», изданных в 1929 году: «С самого начала она проявляла ко мне большую доброту»... «У меня создавалось впечатление, что все окружающие подпадали под обаяние ее жизнерадостной и добродушной натуры. Но даже я при всей своей наивности понимала, что окружавшие ее лизоблюды источали немало лести. И это вполне объяснимо, принимая во внимание то положение, которое занимала знаменитая танцовщица, богатая и влиятельная. Зависть и сплетни постоянно следовали за ней. Весь тот день меня не покидало чувство недоумения – неужели эта очаровательная женщина и есть та самая ужасная Кшесинская, которую называли бессовестной интриганкой, разрушающей карьеры соперниц, – Если кто-нибудь тебя обидит, приходи прямо ко мне. Я за тебя заступлюсь, – позже сказала она и впоследствии сдержала слово: ей представилась возможность вмешаться и вступить за меня. Я стала получать значительно меньше ролей, выяснилось, что директору внушили, будто у меня слишком много работы. Одна знаменитая балерина, не принадлежавшая, по видимому, к числу моих доброжелательниц*(речь идёт об Анне Павловой), неожиданно проявила чрезмерную заботу о моем здоровье, попросив директора не перегружать меня, поскольку я больна

чахоткой. Директор, введенный таким образом в заблуждение этой напускной заботой, проявляя истинное сочувствие, стал постепенно сокращать мой репертуар» [11].

«Помимо искусствоведов, культурологов о Кшесинской пишут и профессиональные историки» [12], проявляя явное неодобрение к мифологизации образа легендарной балерины. Так, в предисловии к своему научно-популярному очерку о личных взаимоотношениях балерины и Николая Второго, заведующий отделом Государственного музея политической истории России (ГМПИР) А.М. Кулегин отметил следующее: «появился ряд отечественных и переводных изданий, авторы которых заявили о стремлении представить читателям подробную биографию М.Ф. Кшесинской. Однако зачастую, особенно в книгах, написанных в жанре художественного повествования, авторы подобного рода опусов опирались не на проверенные факты, а на старые и новые мифы» [13]. Небольшой по объёму очерк Кулегина основан на документах из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного театрального музея им. А.А. Бахрушина и Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Историк Б.В. Ананьич в 1993-94 г.г., выступавший в Санкт-Петербургском университете со спецкурсом «Мемуары 2-ой половины 19-го, начала 20 в.в., как исторический источник» так охарактеризовал мемуары, написанное знаменитой русской балериной: «Кшесинская подробно описывает свой роман с цесаревичем Николаем Александровичем в 1892-1894 г.г. Мемуары интересны с точки зрения характеристики императора Николая Второго и нравов при дворе. «Кшесинская – грамотный мемуарист, так как пишет без взгромождений, основываясь только на

собственных личных ощущениях» [14]. А вот так историк Н.А. Боханов весьма небрежно и беспредметно характеризует следующими словами воспоминания балерины: «Правдивость повествования Кшесинской многие приняли на веру. Её утверждения начали фигурировать в книгах, кинофильмах, спектаклях, посвящённых императору Николаю Второму. Однако словам старой женщины, отдавшей свою жизнь сцене и любви, следует доверять с большой осторожностью. Она многое перепутала, переименовала и не обо всём написала. Это скорее художественное произведение, чем правдивый рассказ о давних временах и встречах» [15]. Странны выводы Боханова, если принять во внимание, что: «Кшесинская прожила в буквальном смысле мафусаилов век (1872-1971), до конца своих дней сохранив твёрдую память, ясность ума и даже, о чём свидетельствуют все знавшие её, царственную повадку» [16]. (Прах балерины покоится на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. На могиле эпитафия: «Светлейшая княгиня Мария Феликсовна Красинская-Романовская, заслуженная артистка императорских театров Кшесинская»).

Стремясь обобщить существующие в литературе мнения о М.Ф. Кшесинской, её биограф В.В. Асташин, в частности, писал: «Одни защищают Матильду Феликсовну от любых нападок и превозносят её талант как балерины. И тогда образ Кшесинской приобретает черты этого гения от балета, воспитавшего целую плеяду выдающихся танцоров, сильной и умнейшей женщины, которая разыграла в жизни чуть ли не целую шахматную партию, завершившуюся блестящими результатами (удачным замужеством, богатством и т.д.). Другие же наоборот пишут, портрет Кшесинской лишь тёмными красками, и тогда мы видим в ней

только чудовищную интриганку, женщину алчную, не гнушающуюся никакими средствами в достижении своей цели, в балете не сделавшей ничего особенного, и если бы не покровительство царской семьи, так бы и оставшейся одной из тысячи». Естественно, продолжает свою мысль Асташин, историки придерживаются диаметрально противоположных взглядов, но различие в подходах очевидно. Дело вовсе не в личных качествах и талантах каждого из авторов, пишущих об известной русской балерине. Просто нет надёжных свидетельств о её подлинной жизни» [17].

Анализируя исторические источники личного происхождения и труды по истории русского балета, я прихожу к выводу, что общность, различие и субъективность профессиональных мнений и оценок о Кшесинской и её значении для русского балета на Отчизне и в эмиграции, как и её эффективное участие в истории Романовых, не умаляет вывода о том, что не только профессиональный талант, а более сложное и насыщенное комбинаторное сочетание талантов и индивидуальных качеств личности Кшесинской во многом определили ис-

ключительное положение прима-балерины императорского двора, породив новое историческое амплуа – амплуа Кшесинской. Возможно поэтому её личность – прецедент недоумения для тех, кто мыслит небрежно о значении личного магнетизма и обаяния, и их влияния на карьеру, и вместе с тем недооценивает талант Кшесинской – балерины, о котором мы читаем во многих исторических источниках. Однако неверно было бы умалять значение Кшесинской в балете, определяя его, как «средство достижения грандиозных целей», в котором она нашла и полное выражение своего таланта и женского обаяния. Вот как Матильда Феликсовна пишет о своей жизни в воспоминаниях: "В 1958 году балетная труппа Большого театра приехала в Париж. Хотя я не хожу больше никуда, деля свое время между домом и танцевальной студией, где зарабатываю, чтобы жить, я сделала исключение и пошла в Оперу посмотреть русских. Я плакала от счастья. Это был тот же балет, который я видела более сорока лет назад, обладатель того же духа и тех же традиций..." [18].

Литература

1. Кшесинская М.Ф. «Воспоминания». М.: Издательство «АРТ», 1992. С. 58.
2. Воложанина О.В. Развитие социально-экономических систем: теория и методология: докт. дис. 2010. С. 147 – 152; 157 – 167; 223 – 226.
3. Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М.: Издательство «АРТ», 1992. С. 28.
4. Карсавина Т.П. Театральная улица. Театральные мемуары. Л.: Издательство «Искусство», 1971. С. 133 – 135.
5. Теляковский В.А. Воспоминания. Театральные мемуары. Л.: Издательство «Искусство», 1965. С. 64.
6. Теляковский В.А. Воспоминания. Театральные мемуары. Л.: Издательство «Искусство», 1965. С. 64.
7. Головина Т.И. Мемуары как источник культурологического исследования: дис. ... канд. культурол. наук. СПб, 1998. С. 43.
8. Кшеинская М.Ф. Воспоминания. М.: Издательство «АРТ», 1992. С. 9.
9. Гаевский В.М. «Мадам семнадцать». Кшесинская М. Воспоминания. М., 1992. С. 6.

10. Головина Т.И. Мемуары как источник культурологического исследования: дис. ...канд. культурол. наук. СПб, 1998.
11. Карсавина Т.П. Соч. Указ. С. 133 – 135.
12. Боханов А.Н. Император Николай Второй. М., 1998.
13. Кулегин А.М. Примадонна для императора. Николай Второй и Матильда Кшесинская.СПБ, 2016.
14. Вахромеева О.Б. Биографика. Методика написания биографий. СПб., 2013. С. 162.
15. Боханов А.Н. Соч. Указ.
16. Гаевский В.М. «Мадам семнадцать». Кшесинская. М. Воспоминания. М., 1992. С. 8.
17. Асташин В.В. Указ. соч. С. 67.
18. Кшесинская М.Ф. Указ. соч. С. 284 – 285.

References

1. Kshesinskaya M.F. «Vospominaniya». М.: Izdatel'stvo «ART», 1992. S. 58.
2. Volozhanina O.V. Razvitie social'no-ekonomicheskikh sistem: teoriya i metodologiya: dokt. dis. 2010. S. 147 – 152; 157 – 167; 223 – 226.
3. Kshesinskaya M.F. Vospominaniya. М.: Izdatel'stvo «ART», 1992. S. 28.
4. Karsavina T.P. Teatral'naya ulica. Teatral'nye memuary. L.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1971. S. 133 – 135.
5. Telyakovskij V.A. Vospominaniya. Teatral'nye memuary. L.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1965. S. 64.
6. Telyakovskij V.A. Vospominaniya. Teatral'nye memuary. L.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1965. S. 64.
7. Golovina T.I. Memuary kak istochnik kul'turologicheskogo issledovaniya: dis. ... kand. kul'turol. nauk. SPb, 1998. S. 43.
8. Ksheinskaya M.F. Vospominaniya. М.: Izdatel'stvo «ART», 1992. S. 9.
9. Gaevskij V.M. «Madam semnadcat'». Kshesinskaya M. Vospominaniya. М., 1992. S. 6.
10. Golovina T.I. Memuary kak istochnik kul'turologicheskogo issledovaniya: dis. ...kand. kul'turol. nauk. SPb, 1998.
11. Karsavina T.P. Soch. Ukaz. S. 133 – 135.
12. Bohanov A.N. Imperator Nikolaj Vtoroj. М., 1998.
13. Kulegin A.M. Primadonna dlya imperatora. Nikolaj Vtoroj i Matil'da Kshesinskaya.SPb, 2016.
14. Vahromeeva O.B. Biografika. Metodika napisaniya biografij. SPb., 2013. S. 162.
15. Bohanov A.N. Soch. Ukaz.
16. Gaevskij V.M. «Madam semnadcat'». Kshesinskaya. М. Vospomnaniya. М., 1992. S. 8.
17. Astashin V.V. Ukaz. soch. S. 67.
18. Kshesinskaya M.F. Ukaz. soch. S. 284 – 285.

*Kutsevich N.S., Director,
Foundation "Academician"*

**MATILDA KSHESINSKAYA – THE MOST SERENE PRINCESS MARIA
ROMANOVSKAYA-KRASINSKAYA IN THE HISTORY OF RUSSIAN BALLET, THROUGH
THE PRISM OF REFLECTION OF THE AUTHORS OF SOURCES OF PERSONAL
ORIGIN: MEMOIRS, MEMORIES, AS WELL AS HISTORIOGRAPHERS,
HISTORIANS, ART HISTORIANS**

Abstract: the article is devoted to the legendary prima ballerina, who is a single, unique example of a brilliant theatrical and female destiny. The example of this personality is interesting for the rarity of the completeness and integrity of the implementation of the ballet and individual genius, which consisted in the happy ability to build the space of one's own destiny, directing and creating the moods of the male half of the royal family and in many ways, defining and expressing by his personality the cultural policy of the Mariinsky Theatre.

The article offered for reading will be of interest to historians, culturologists, historiographers, art historians, psychologists, sociologists, all those who study the space of cult, society and tradition in interaction with a person, including by means of studying and comparing sources of personal origin. The author of the article invites readers to get acquainted with the opinions of Kshesinskaya, both her contemporaries, captured by them in their memoirs, memories, and assessments of historians, art historians, her personality and memories.

Keywords: Matilda Kshessinskaya, Serene Highness Princess Maria Romanovskaya-Krasinskaya, Alexander the Third, Nicholas the Second, Grand Duke Andrey Vladimirovich, Grand Duke Sergei Mikhailovich, Vladimir Krasinsky, Marius Petipa, historians, historiographers, Arnold Haskell, T.I. Golovina, the royal family, Russian academic ballet, memoirs, memories, sources of personal origin, Anna Pavlova, Sergey Diaghilev, Tamara Karsavina, Vladimir Arkadyevich Telyakovsky

МАНЬЧЖУРСКИЙ ИНЦИДЕНТ: НАЧАЛО КОНФЛИКТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯПОНСКОЙ ПРЕССЫ)

Аннотация: в данной статье автор исследует один из эпизодов китайско-японских отношений, а именно Маньчжурский инцидент, на материале ряда японских газет. События в г. Мукдене, которые впоследствии вызвали серьезные изменения на карте северного Китая, нашли отражение в японской прессе в сентябрь-октябре 1931 года. Военные круги Японии считали обоснованным захват северо-восточных провинций Китая и представляли действия Квантунской армии как вынужденные, и даже – оборонительные. Газеты Японии активно поддерживали такую точку зрения.

Ключевые слова: история Японии, китайско-японские отношения, Маньчжурский инцидент, Квантунская армия, материалы японской прессы, Лига Наций

Пресса всегда играет важную роль в формировании оценки политического события. Привлекая материал газет, которые освещали Маньчжурский инцидент, можно получить более полное представление о событиях сентября 1931 года, когда северо-восточные территории Китая оказались занятыми Квантунской армией.

Японское правительство рассматривало Маньчжурию неоднозначно. С одной стороны – как место, где «осуществились бы их мечты о славе и богатстве» (в том случае, если бы оно самостоятельно контролировало регион северо-восточных провинций). С другой стороны Маньчжурия была как «пистолет, направленный прямо в сердце Японии». Под этим подразумевалась «неудобная» для Японии политика президента Китайской республики Чан Кайши по сближению с правителем Маньчжурии Чжан Сюэляном и ограничению прав японцев на территории Маньчжурии. Реализуя амбициозные планы по расширению сферы влияния на континенте, японские военные выбрали радикальный метод решения проблемы – органи-

зовали взрыв железнодорожного полотна близ города Мукдена и захватили город, положив тем самым начало военной экспансии на территории Китая.

Известие об этом событии сразу попало на первые страницы японских газет, в том числе «Нитибэй симбун» (日米新聞), «Син сэкай» (新世界) и «Осака майнити симбун» (大阪毎日新聞).

Газета «Син сэкай» уже на следующий день после инцидента, 19 сентября, опубликовала краткую сводку событий под заголовком «Военные [имеется в виду китайские военные – Е.М.] в провинции Фэнтянь взорвали железную дорогу». В ней сообщалось о захвате китайцами части японского военного лагеря: «Вчера ночью фэнтяньские военные подвергли бомбардировке железнодорожную линию ЮМЖД и зашли на территорию японского гарнизона, поэтому в качестве ответных действий в 12 часов ночи отряд японских военных оккупировал территорию противника. Главный виновник [взрыва на железнодорожных путях] –

китаец Хань Юйхуан. Последует заседание военного суда».

В издании «Нитибэй симбун» была напечатана статья под заголовком «Ухудшение японско-китайских отношений», в которой сообщалось о продвижении японских войск по территории северо-восточных провинций Китая. Ситуацию «Нитибэй симбун» обрисовала следующим образом: «армия противника повержена», «предприятия Мукдена заняты японскими войсками», «гарнизоны вдоль ЮМЖД усилены».

Японские военные, обвиняя китайских солдат в совершении взрыва, оправдывали последовавший за этим захват Квантунской армией города Мукдена. Они представляли свои действия как необходимую для защиты собственных интересов меру. Глава газеты «Осака Майнити симбун», Мотояма Хикоити, так высказывался об инциденте: «Взрыв железной дороги не мог не вызвать ответной реакции со стороны японских войск. Японский военный штаб осознал масштабы ситуации, мобилизовал силы и занял стратегические пункты, прежде чем китайские войска успели отреагировать. Действуя таким образом, без инструкций правительства, командирам удалось свести к минимуму кровопролитие и сохранить мир и порядок на территории».

Японские газетные издания много писали о некомпетентности кабинета премьер-министра Рэйдзиро Вакацуки, который не одобрил предложение военного министра Дзиро Минами по расширению экспансии в Маньчжурии. Но на стороне военных выступили общественность и ведущие политические партии. Оппозиционная партия Сэйюкай прямо заявила, что в инциденте виновата слабая политика действующего правительства. В газетных статьях кабинет обвиняли в «проявлении сла-

бости относительно политики в Маньчжурии», прямо ставили вопрос: «Если нынешний кабинет министров испытывает сложности, столкнувшись с проблемой Маньчжурии, сможет ли он ее решить?».

Известия об участии Лиги Наций в разрешении конфликта начали публиковать только с 25 сентября, хотя первое заседание, на котором были заслушаны доклады сторон, прошло 21 сентября.

В газете «Нитибэй симбун» статья, посвященная работе Лиге Наций, вышла под заголовком «Отношение императорского правительства». В ней цитировались слова представителя японского Министерства иностранных дел, который считал, что вмешательство в конфликт третьей стороны совершенно недопустимо, а Лига Наций «не вправе действовать в качестве судьи до тех пор, пока об этом не будут просить обе конфликтующие стороны». Тем не менее, по словам чиновника, японская сторона была готова принять предложение китайской стороны о создании смешанной японо-китайской комиссии для изучения всех вопросов относительно инцидента.

Лучше всего отношение японцев к решениям Лиги Наций описывает отрывок из статьи в газете «Осака майнити симбун». По мнению японских властей, произошедший инцидент являлся исключительно «локальным» – он «не выходил за рамки соблюдения прав договора», поэтому и решаться должен был данный вопрос только заинтересованными сторонами. «Если вынести его на международный уровень, это может привести к «бесконечным осложнениям ситуации», – писала газета. Японцы были убеждены, что при законной – по их мнению – защите своих прав и интересов в Маньчжурии они «не обязаны принимать во внимание решение третьей стороны». Общая позиция была

такова: «Разве другие страны с радостью восприняли бы вмешательство третьей стороны (скажем, Японии) в процесс урегулирования возможного спора с любой из соседних с ними стран?».

В дальнейшем японская сторона преподносила международному сообществу инцидент как незаконное посягательство Китая на территории, положенные Японии по Портсмутскому договору. Октябрьское издание «Осака майнити симбун» дала такой комментарий действиям Квантунской армии в Маньчжурии: «Только 25 лет назад эта территория была очагом голода, эпидемий, прибежищем воров и бандитов, как это сейчас можно наблюдать в других частях Китая. Сегодня это единственный по-настоящему цивилизованный регион в Китае, где коренные жители и иностранцы могут заниматься бизнесом без притеснений со стороны местных разбойников, милитаристов и т.д. Эта процветающая Маньчжурия – плод терпеливого труда, мудрой деятельности и огромных инвестиций японского правительства. При этом Япония строго соблюдает принцип «открытых дверей» и приветствует все страны, которые захотят присоединиться, чтобы сделать Маньчжурию центром международной торговли. Видя, что эта территория превратилась в процветающий регион, китайцы вдруг вспомнили, что это была часть их собственной страны, – они начали требовать вер-

нуть им права на контроль всех предприятий в Маньчжурии. Япония не сомневается в праве собственности Китая на эту территорию, но не может согласиться с тем, чтобы китайцы так просто завладели этим экономически развитым районом, который так долго создавался в соответствии с правами, закреплёнными в договоре».

В брошюре, изданной работниками Японской торговой палаты в Нью-Йорке, было высказано мнение о том, что «Маньчжурия является обособленной территорией», поэтому решать Маньчжурский вопрос с правительством Нанкина так же «бесполезно и безрезультатно», как и с Лигой Наций, поскольку ни те, ни другие не являются «представителями Маньчжурии». Япония считала единственно верной реакцией «на китайскую агрессию» – разобраться «на месте»; а привлечение Лиги Наций и ожидание вынесения окончательного решения означало бы «попросить человека, которому направили пистолет в сердце, подождать, пока не вызовут полицию» [1].

Таков был общий тон японских газет – националистический, воинствующий; военная кампания полностью одобрялась как правительством, так и общественностью. Японская пресса пристально следила за развитием событий, начавшихся с Маньчжурского инцидента, и регулярно освещала их.

Литература

1. Japanese Chamber of Commerce. Background of The Manchurian Trouble. New York, 1932. 22 p.
2. Нитибэй симбун (日米新聞). 1931. № 11442.
3. Нитибэй симбун (日米新聞). 1931. № 11446.
4. Осака майнити симбун (大阪毎日新). 1931. 3 октября.
5. Осака майнити симбун (大阪毎日新). 1931. 27 октября.

6. Син сэкай (新世界).1931. № 13001.

7. Кобэ дайгаку фузоку тосекан (神戸大学附属図書館. Библиотека Университета Кобэ) [Электронный ресурс]. Кобэ, 2020. Режим доступа: <http://www.lib.kobe-u.ac.jp/das/jsp>

References

1. Japanese Chamber of Commerce. Background of The Manchurian Trouble. New York, 1932. 22 p.

2. Nitibej simbun (日米新聞). 1931. № 11442.

3. Nitibej simbun (日米新聞). 1931. № 11446.

4. Osaka majniti simbun (大阪毎日新). 1931. 3 oktyabrya.

5. Osaka majniti simbun (大阪毎日新). 1931. 27 oktyabrya.

6. Sin sekaj (新世界).1931. № 13001.

7. Kobe dajgaku fuzoku tosekan (神戸大学附属図書館. Biblioteka Universiteta Kobe) [Elektronnyj resurs]. Kobe, 2020. Rezhim dostupa: <http://www.lib.kobe-u.ac.jp/das/jsp>

*Marutina E.A.,
Saint Petersburg State University*

THE MANCHURIAN INCIDENT: THE BEGINNING OF THE CONFLICT (BASED ON THE MATERIALS OF THE JAPANESE PRESS)

Abstract: in this article, the author examines one of the episodes of Sino-Japanese relations, namely the Manchurian incident, on the basis of a number of Japanese newspapers. The events in Mukden, which subsequently caused serious changes on the map of northern China, were reflected in the Japanese press during September-October 1931. The military circles of Japan considered the seizure of the northeastern provinces of China to be justified and presented the actions of the Kwantung Army as forced and even defensive. Japanese newspapers actively supported this point of view.

Keywords: history of Japan, Sino-Japanese relations, Manchu incident, Kwantung army, materials of the Japanese press, League of Nations

*Топильский А.Г., кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина*

РАЗВИТИЕ АГРАРНЫХ ЗНАНИЙ В ГАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья подготовлена в рамках проекта «Влияние землепользования в Галиции во второй половине XIX – начале XX века на развитие украинского национального самосознания» (грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых МК-752.2019.6)

Аннотация: развитие капиталистических отношений на территории австрийской Галиции во второй половине XIX – начале XX века было тесно связано с ростом различных типов национальной самоидентификации русино-украинского населения. Вызванный национальным развитием интерес в широких слоях населения к истории и культуре вел к росту образования, становившегося из привилегии меньшинства фактором общественной жизни крестьян. Расширение грамотности обеспечивало возможность приобщения русино-украинского аграрного населения к достижениям агрономической науки – как в специализированных учебных заведениях, так и за счет осуществлявшейся через просветительские общества популяризации агротехнических знаний. В данной статье рассматривается распространение сельскохозяйственных знаний среди русино-украинского населения восточной части австрийской Галиции во второй половине XIX – начале XX века. Показано, что развитие аграрных учебных заведений и просветительская работа среди крестьян зависели во многом как от изменений законодательства в австрийской части дуалистической монархии, так и от деятельности украинофильских и русофильских просветительских обществ. Деятельность украинофильской «Просвиты» и русофильского «Общества имени Михаила Качковского», других обществ свидетельствовала о существовании русино-украинской интеллигенции, способной к распространению национального самосознания.

Ключевые слова: украинофильство, русофильство, Галиция, крестьяне, крупное землевладение, Австро-Венгрия

Основание государственной торговой школы в г. Львове приходится на 1899 год. Чуть позже (1902 год) она переименована в торговую академию и стала основным центром в Галиции по подготовке высококвалифицированных специалистов в торговом деле. Однако уже через 20 лет Академия реорганизована. Она предстает как Высшая школа зарубежной торговли г. Львова. Реорганизация предоставила учебному заведению привиле-

гированный статус в рамках организации и осуществления школьного контроля, а также право на утверждение профессорского состава, экзаменационных и научных правил. Выпускники Высшей школы зарубежной торговли имели глубокие экономические знания, которые давали им право заниматься коммерческой деятельностью [5].

Проведение Австро-Венгрией реформ в сфере образования вело к развитию экономических зна-

ний русино-украинского населения. В частности, в 1871 году в Восточной Галиции начали функционировать учительские семинарии, которые обеспечивали подготовку учителей для народных (начальных) школ [1, с. 133].

В развитии экономического знания, в частности становлении экономического образования, особую роль сыграли несколько институтов, таких как «Просвита» и педагогическое общество «Родная школа». В 1874 году обществом «Просвита» был опубликован устав для ссудно-кредитных касс [2, с. 13].

Общество «Просвита» за 1868-1912 годы издало 69 книг (520 тыс. экземпляров) хозяйственно-кооперативного содержания. Особенно популярными в то время были: «Практический учебник» (Т. Кормош, 1895); «Союза для бережливости и ссуд (система Райффайзена)» (М. Новаковский, 1900); «Руководство торговое» (К. Левицкий, И. Петрушевич, 1905); «Поучение, как закладывать союзы для торговли и промысла» (И. Петрушевич, 1908) и др. [4, с. 40-41].

В 1873 г. во Львове начало функционирование научное товарищество имени Т.Г. Шевченко (НТШ), которое стало на то время ключевым научным центром в Восточной Галиции. Чрезвычайно важным событием в развитии экономических знаний стало основание 31 марта 1875 года императорским указом Франца-Иосифа Черновицкого университета [6]. Впрочем, стоит отметить, что в университете учебные планы и программы были на начальных стадиях разработки и не охватывали системного измерения общественно-хозяйственных проблем, также ощущался недостаток необходимых кафедр, специального материального оснащения и обеспечения. Безусловно, все вышеназванные негативные моменты влияли на

эффективность предоставления образовательных услуг, в том числе и экономических знаний. Однако особо нужно отметить, что, несмотря на ситуацию в регионе на то время, при Черновицком университете функционировали кафедры политической экономии и статистики. Однако изучение предметов происходило только на немецком языке, что вносило свои коррективы в учебный процесс, заставляя слушателей особое внимание уделять его изучению.

В частности, в 1912 году организация «Крестьянская касса» в своем составе имела 174 кооператива, а уже в 1913-м – 149 кооперативов, которые насчитывали 19 тыс. членов. Также важным аспектом обеспечения развития национальности на территории Буковины стала научная деятельность С. Смаль-Стоцкого, которая сосредотачивалась в газете «Буковинская Русь» (1897), где автор исследовал исторические моменты взаимодействия и взаимосвязи Буковины и Галицко-Волынского государства. Также С. Смаль-Стоцкий был известным как соредатор газеты «Буковина» и редактор газеты «Русская Рада».

Таким образом, состояние образования, в том числе и экономического на западноукраинских землях на протяжении второй половины XIX – начала XX века было на достаточно низком уровне. В частности, в начале XX века в Галиции функционировало лишь несколько украинских гимназий в городах Львов, Перемышль и Тернополь.

В 1908-1909 годах действовало шесть частных гимназий (в Копычинцы, Яворове, Городенке, Рогатине, Бродах и Перемышлянах). Зато в польских гимназиях началось активное внедрение и развитие полонизации молодежи [3].

В это время активную позицию заняли кооперативные организации, которые превратились во влиятельную политическую силу, которая обеспечивала материальную поддержку процессов становления национального самосознания украинцев, способствовала формированию интеллигенции и, что не менее важно, распространению экономических знаний.

Эволюция экономических знаний на западноукраинских землях в 1848-1914 годах осуществлялась в условиях специфических общественно-экономических трансформаций. Собственно, это был период развития кооперативного движения, что является важным индикатором уровня хозяйственной культуры населения, в частности, крестьян. Предпосылкой эволюции коопераций было принятие Австро-Венгрией закона о хозяйственных союзах 1873 года. Его целью было предотвращение банкротства мелких товаропроизводителей. Фактически этот закон регламентировал обязательность развития коопераций на территории всей империи. Такими действиями правительство стремилось стимулировать налоговые поступления в краевой бюджет.

Среди характерных признаков формирования экономических знаний на западноукраинских землях исследуемого периода важно акцентировать внимание на развитии профессионального образования с распространением так называемых бурс. Толчком к этому стало принятие в 1872 году галицким сеймом закона об организации краевого школьного совета. Этим документом разрешалось учреждение частных школ, а также профессионального образования, которому способствовали различные украинские экономические и культурно-образовательные учреждения и общества, пробуждали в народе понимание необходимости соз-

дания специализированных школ как одного из действенных средств спасения от нищеты [34, с. 8]. Определим, что в то время были распространены торговые школы, призванные предоставлять ученикам базовые экономические знания по торговле в различных сферах. Особо нужно подчеркнуть положительный момент того, что в этот же период быстрыми темпами начала развиваться система внешкольной торговой практики, благодаря чему немало молодых специалистов смогли определиться со своими задатками к торгово-экономическому делу.

Социально-экономические и политические сдвиги в Австро-Венгерской империи и западноукраинском обществе во второй половине XIX – начале XX века выдвинули новые требования к молодежи относительно ее умения сосуществовать и гармонично развиваться в тогдашнем обществе, а также осуществлять самостоятельный выбор своего жизненного пути и реализации собственных способностей. От его правильности зависело будущее западных украинцев, поэтому большинство тогдашней молодежи выбирало экономическую науку, слушая лекции выдающихся личностей того времени.

Отметим, что на выбор будущей профессиональной деятельности молодежи влияло место жительства. Промышленный бум привел к росту и развитию инфраструктуры крупных городов в Австро-Венгерской империи, которые играли важную роль как торгово-промышленные, политико-административные и культурные центры, тогда как сельскохозяйственное производство, мелкие промыслы и торговля доминировали в небольших западноукраинских городках.

История подготовки специалистов с экономическим образованием в Австро-Венгрии связана с

капитализацией крупных городов, зарождением и развитием рыночных отношений, а также с индустриализацией Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья. В 1848-1914 годах разворачивалась социально-политическая борьба по национальному освобождению украинцев на западноукраинских территориях, поскольку к тому времени уже сформировались соответствующие настроения в передовой части населения по воссозданию собственной интеллигенции с целью служения интересам русино-украинскому народу, а также обеспечения профессионального образования малоимущих слоев населения западноукраинских земель, которые были под властью Габсбургской монархии. Государственное регулирование подготовки специалистов с экономическим образованием в Австро-Венгрии осуществлялось благодаря ратификации законов «О торговом образовании» от 1873-го и «О дополнительном обучении» от 1885 года. Введены школы, где молодежь получала начальное экономическое образование; двух- и трехлетние школы, в которых молодые люди получали среднее экономическое образование, а также торговые академии, где была возможность получать высшее финансово-экономическое образование для занятия вакантных должностей руководителей торговых предприятий, банковских служащих высших рангов, кассовых служащих, работников транспортных организаций, экспортеров и коммивояжеров. В Восточной Галиции сельское население формировало две группы, которые конкурировали между собой – поляки и украинцы.

Третью этническую группу формировали евреи, которые были посредниками между указанными выше доминантными этническими группами и преимущественно были корчмарями, торговцами, арендаторами, финансистами и промышленниками.

На протяжении 1848-1914 гг. в Галиции культурно-просветительные и хозяйственные общества публиковали пособия и учебники для экономической, кооперативной науки, а также для профессионального обучения западноукраинской молодежи с целью содействия эффективности хозяйственной деятельности украинцев. Печатная профессиональная литература была направлена на борьбу с неграмотностью населения, прежде всего среди молодежи. В связи с этим тогдашняя молодежь в Восточной Галиции, Северной Буковине и Закарпатья имела возможность изучать такие предметы профессионального цикла, как кассовое и купеческое делопроизводство, основы науки о торговле и купеческие обычаи Австро-Венгрии, торговое право, а также купеческие счета, товароведение, торговое деловое письмо, торговую географию и т.д.

Следовательно, развитие экономических знаний во второй половине XIX – первой половине XX века на западноукраинских землях происходило в сложных социально-экономических и политических условиях, которые в значительной степени влияли на жизненные процессы русино-украинского населения в Австро-Венгерской империи.

Литература

1. Барна М. М. Педагогічна освіта в Галичині у 1772-1939 рр. та підготовка вчителів у сучасних умовах. Освіта і виховання в Польщі та Україні (XIX-XX ст.): матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 20-22 трав. 1998 р., м. Ніжин: у 2-х ч. Ніжин: НДПУ, 1998. Ч. 1. С. 132 – 137.
2. Демянчук О.С. Система чинників розвитку гімназійної освіти на Буковині (XIX – перша половина XX ст.). Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. 2014. Вип. 6. С. 243 – 248.
3. Єфремова Н.В. Історико-правові аспекти приєднання західноукраїнських земель до складу Австрійської імперії. Актуальні проблеми держави і права. 2009. Вип. 48. С. 189 – 196.
4. Шайнер Г.І. Розвиток комерційної освіти на західноукраїнських землях (друга половина XIX – перша третина XX століття): автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук / ТНПУ ім. В. Гнатюка. Тернопіль, 2012. 20 с.
5. Шишка О. Двісті років технічної освіти у Львові, або від Реальної школи – до Національного університету. URL: <http://lp.edu.ua/news/2016/dvisti-rokiv-tehnichnoyi-osvity-u-lvovi-abo-vid-realnoyi-shkoly-do-nacionalnogo> (дата обращения: 17.10.2020)
6. Prokopowitsch E. Gründung, Entwicklung und Ende der Franz-Josephs Universität in Czernowitz. Clausthal-Zellerfeld, 1955.

References

1. Barna M. M. Pedagogichna osvita v Galichini u 1772-1939 rr. ta pidgotovka vchiteliv u suchasnih umovah. Osvita i vihovannya v Pol'shchi ta Ukraïni (H1H-HKH st.): materialy mizhnar. nauk.-prakt. konf., 20-22 trav. 1998 r., m. Nizhin: u 2-h ch. Nizhin: NDPU, 1998. CH. 1. S. 132 – 137.
2. Demyanchuk O.S. Sistema chinnikiv rozvitku gimnazijnoï osviti na Bukovini (H1H – persha polovina HKH st.). Visnik ZHitomirs'kogo derzhavnogo universitetu imeni Ivana Franka. 2014. Vip. 6. S. 243 – 248.
3. Єfremova N.V. Istoriko-pravovi aspekti priednannya zahidnoukraïns'kih zemel' do skladu Avstrijs'koï imperii. Aktual'ni problemi derzhavi i prava. 2009. Vip. 48. S. 189 – 196.
4. SHajner G.I. Rozvitok komercijnoï osviti na zahidnoukraïns'kih zemlyah (druga polovina H1H – persha tretina HKH stolittya): avtoref. dis. ... na zdobuttya nauk. stupenya kand. ped. Nauk. TNPU im. V. Gnatyuka. Ternopil', 2012. 20 s.
5. SHishka O. Dvisti rokiv tekhnichnoï osviti u L'vovi, abo vid Real'noï shkoli – do Nacional'nogo universitetu. URL: <http://lp.edu.ua/news/2016/dvisti-rokiv-tehnichnoyi-osvity-u-lvovi-abo-vid-realnoyi-shkoly-do-nacionalnogo> (data obrashcheniya: 17.10.2020)
6. Prokopowitsch E. Gründung, Entwicklung und Ende der Franz-Josephs Universität in Czernowitz. Clausthal-Zellerfeld, 1955.

*Topilsky A.G., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Derzhavin Tambov State University*

**DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL KNOWLEDGE IN GALICIA
IN THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURY**

Abstract: the development of capitalist relations on the territory of Austrian Galicia in the second half of the XIX-early XX century was closely linked to the growth of various types of national identity of the Rusyn-Ukrainian population. The interest in history and culture aroused by national development led to an increase in education, which became a factor in the social life of the peasants instead of a minority privilege. The expansion of literacy provided an opportunity to introduce the Russian-Ukrainian agricultural population to the achievements of agronomic science-both in specialized educational institutions and through the popularization of agricultural knowledge through educational societies. This article examines the spread of agricultural knowledge among the Russian-Ukrainian population of the Eastern part of Austrian Galicia in the second half of the XIX-early XX century. It is shown that the development of agricultural educational institutions and educational work among the peasants depended largely on changes in legislation in the Austrian part of the dualistic monarchy, as well as on the activities of ukrainophile and Russophile educational societies. The activities of the ukrainophile "Prosvita" and the Russophile "Mikhail Kachkovsky Society" and other societies testified to the existence of the rusino-ukrainian intelligentsia capable of spreading national consciousness.

Keywords: ukrainophilism, russophilism, Galicia, peasants, large land ownership, Austria-Hungary